

Пролеев С.В.

КУЛЬТУРА КАК РЕАЛЬНОСТЬ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Наличие сотен определений культуры, с необыкновенной скрупулезностью зарегистрированных исследователями проблемы, свидетельствует о необыкновенно разностороннем влиянии идеи и понятия культуры на современное сознание. Принципы строгого мышления приучили нас усматривать силу понятия в четкости, непротиворечивости и полноте его определения, выражающего некий важный для общей работы сознания смысл. Но вопреки этому классическому методологическому идеалу, интеллектуальная значимость и власть понятия выражается скорее не в точности определения и отчетливо обозначенных теоретических границах его, а в многообразии контекстов рассуждения, в которых понятие задействуется мыслью, в частоте и настойчивости использования его в качестве пояснительного или изъяснительного средства, в регулярности апелляции к нему сознания, стремящегося обосновать, аргументировать, доказать свои утверждения. И то, что во все эти многочисленные, разнородные, зачастую несопоставимые контексты вовлекается скорее имя, слово, чем единообразный и строго установленный смысл, ничего не меняет по существу. Как показывает история мысли, самые влиятельные идеи, иногда подчинявшие себе умы целой эпохи, по своей природе больше напоминали магические заклинания, чем логические структуры. В полной мере это относится и к категории культуры.

ФЕТИШ КУЛЬТУРЫ. Категория культуры приобрела над философским сознанием чрезмерную власть. Практически любое исследование человека и его жизнедеятельности так или иначе задействует ее. Более того, понятие культуры все чаще выполняет роль универсального объяснительного средства во всех случаях, когда речь идет о реалиях человеческого мира. В известном смысле это оправданно. Однако, когда категория начинает владеть мышлением, превращаясь в самодовлеющую предпосылку мыслительной работы и заслоняя смысл того, что была призвана обнаружить, тогда она из мощного средства развития духа превращается в *фетиш*. То есть из средства теоретического поиска становится готовым ответом, из определенной и вполне конструктивной установки мышления - в его тему, подменяя собой тот предмет и те проблемы, которые данная категория была призвана ввести в поле сознания.

Приходится напомнить, что категории, равно как и прочие мыслительные формы, не существуют вне и без самой мысли. Только в живом движении ищущего мышления вновь и вновь появляются, возрождаются, получают право на существование даже устоявшиеся и давно ставшие бесспорными формы сознания. Вне этого усилия мысли, всякий раз открытого и негарантированного в результате, - они мертвы. Хотя - и в этом заключается важный парадокс - безжизненность не мешает им властвовать. Более того: предпосланность (в нашем случае названная "без-жизненностью") мыслительных форм самому мышлению, как раз и составляет важнейшее условие их власти над сознанием.

Данная ситуация вовсе не является нововозникшей. Она стара, как мир. Это - коллизия между открытым и догматическим мышлением. Как тема, она давно, неоднократно и весьма исчерпывающе решена философским сознанием, которое со времен становления автономной философской рефлексии и гуманистической идеи сделало однозначный выбор в пользу не dogматического мышления. Но принятие общего принципа отнюдь не гарантирует следования ему. Поэтому и для современной философии сохраняет актуальность проблема фетишизации мыслительных форм, т.е. проблема все того же догматизма. Мне бы не хотелось в очередной раз бичевать то, что никто, в общем-то, не склонен отстаивать. Это бессмысленно и бесполезно. Вопрос стоит не о том, какую установку мышления нам принять или отвергнуть, сделав выбор в пользу открытого мышления или догматизма. Действительная проблема заключается в ином: как нам уберечься от опасности, которая таится в складе нашего собственного мышления и застигает нас именно в тот миг, когда мы о ней не помним и считаем благополучно преодоленной? Ведь фетиши возникают в современном философском сознании, несмотря на все безусловные и никем не оспариваемые установки, в принципе отвергающие любой возможный догматизм и возводящие в высшую ценность открытость, непредвзятость, познавательную строгость мышления. Наше мышление то и дело становится жертвой того, что мы сами отвергли в принципе.

Категория, тема, проблема культуры – едва ли не ярчайший пример подобной ситуации. Она слишком часто становится фетишем современного сознания (и не только, кстати сказать, философского). Культура гипостазирована и натурализована сознанием, утрачивая свой исходный смысл вполне конкретной метафизической идеи. В результате вместо того, чтобы мыслить ею, используя культуру как символ определенных реалий человеческого бытия, все чаще мыслят ее самое. Символ достигает такой плотности и зрелости, что напрочь скрывает реальность, которую призван обозначить.

В результате возникает иллюзия универсального и всестороннего понимания человеческой действительности, истолкованной как культура. Эта иллюзия тем более опасна, во-первых, потому что она лишает исследовательское сознание стимула к поиску новых подходов и новых объяснительных средств, во-вторых, не позволяет различить и осмыслить ряд присущих человеческому бытию коллизий и проблем, которые просто по природе своей не улавливаются культуракцентуированным сознанием. В связи с этим актуализируется задача деструкции фетиша культуры - и в качестве философской категории, и как реалии человеческого мира. Благодаря этой деструкции гуманитарное познание обретает новую степень

методологической свободы. Подвергнуть же культуру теоретической деструкции означает, в частности, пересмотреть ее устоявшийся смысл. При всей разности ее определений, культура неизменно сохраняет значение позитивной и универсальной формы человеческого бытия; она претендует на наиболее полное и свободное от односторонности выражение человеческой сущности. Подвергнуть деструкции этот смысл означает выделить и проанализировать угрозу культуры - т.е. содержащуюся в культуре угрозу человеческому бытию. С этого и начнем.

ОПАСНОСТЬ КУЛЬТУРЫ. Культурное развитие открывает новые возможности для самоутверждения. Однако каждая из таких возможностей таит в себе более или менее явную угрозу. Реализация возможности может оказаться как благотворительной, так и губительной для человеческого существа. По этой причине следует отчетливо осознавать опасность культуры. Замалчивание опасности культуры столь же безответственно, как предложение воспользоваться автомобилем или, скажем, атомной электростанцией без знаний правил техники безопасности. Лишь отчетливо понимая опасность культуры и зная характер этой опасности, мы имеем шанс избежать многих бед, которые иначе становятся почти неотвратимыми. Речь не идет, правда, о регулировании культуры, как можно было бы подумать. Регулирование в собственном смысле слова по отношению к культуре неосуществимо. Ибо само подобное "регулирование" есть самоосуществление культуры, и, приняв вид конкретных регламентирующих актов, будет означать лишь регулирование одной системы культурных ценностей другими - быть может, еще более опасными.

Само осознание опасности культурных достижений становится первым из необходимых предохранителей. В подобном самосознании, коль скоро оно стало реальностью культурной жизни, уже содержится важный и действенный регулятив. Его срабатывание будет тем успешнее, чем полнее культурное бытие продумано мышлением: раскрыто в своих интенциях, "механизмах", конкретных результатах и угрозах, возникающих из этих результатов, равно как и из самого культурного процесса.

Осознание тающихся в культуре опасностей вовсе не означает отказа от культуры. Оно несет в себе лишь трезвое недоверие к человеческой культуре - недоверие, благодаря которому мы не препоручаем себя всецело историческому опыту человеческого рода и культурно устоявшимся образцам человечности, сохраняя возможность собственной экзистенции. Подобная установка не только не наносит ущерба культуре, но как раз напротив: предохраняет ее от дискредитации. И более того: формированием личностно ответственной жизни эта установка прямо "работает" на культуру, формируя решающую основу культурного прогресса.

Одной из форм фетишизации культуры является отождествление ее с безусловным благом, превращение в своеобразного благодетельного мессии. Однако такого рода безмерное упование, как ни парадоксально, оказывается разрушительным для самой культуры. Чрезмерность возлагаемых надежд, как будто возвышающих культуру, приводит к ее деградации. Из умеренной и достаточно корректной формы самоотжественности человека культура превращается в не знающее границ притязание на спасение человека и человечности. Ценность и достоинство культуры состоит в соединенности ее форм с конкретным течением человеческого существования. Культура только тогда имеет оправдание, когда она, образно говоря, становится работой жизни, реального человеческого проживания и воплощает столь же конкретную судьбу человеческого существа, в которой способна отдать себе отчет. Иной вектор культурного бытия заключается как раз в безмерности культуры, в придании ей смысла универсального и ничем не ограниченного ожидания, вдохновленного идеалом "чистой человечности". При видимой привлекательности этого образа, он выражает одну из наибольших опасностей культурного процесса. Вся перенесая в область упования и призыва, притязания и ни с чем не соразмерного требования, культура становится грубо репрессивным началом по отношению к человеку. Спиритуализация культуры, имеющая характерную форму "превознесения духовности", таит в себе опасное искушение. Она создает для человека позицию, совмещающую в себе начало абсолютной власти и вездесущего суда с началом фактической безответственности за собственные действия, приговоры и решения. Мало кто способен устоять перед подобным соблазном. По этой причине характерное отождествление культуры с духовностью превращает духовный суд в важнейшую форму культурной деятельности и оборачивается на деле развращением человека.

НРАВСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЫСЛИ. Мысль, обращенная к предельным реалиям человеческого бытия, (а культура, несомненно, относится к их числу) не может уклониться от нравственной ответственности (т.е. ответственности перед самой сутью человеческого существа). Подлинная метафизика никогда не бывает этически нейтральной. Она, конечно, не соизмеряется с кодексом моральных норм. Но в ней присутствует ответственность гораздо более высокого порядка: а именно, ответственность перед самим человеческим существом и его жизненной судьбой. Ведь метафизика, хотя бы и теоретически, определяет эту судьбу с необыкновенной отчетливостью и решительностью. А когда человек определяет судьбу другого человека, и тем паче рода людского, то попадает в ситуацию предельной нравственной ответственности. Хотя бы, повторим, его действие и оставалось сугубо теоретическим.

Что значит этот вывод для нас, когда мы мыслим реальность культуры? Прежде всего - отказ от фетишизации культурной реальности и обращенность сознания к феномену культуры. Обращенность же к чему-либо как феномену означает прежде всего - открытость мышления к тому, что мыслишь. Важнейшее измерение феноменологического метода - именно открытость мышления. В этом запрашиваемом качестве

требование феноменологии является исконным требованием мысли и равно требованию философии как таковой.

КУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ. Культура как форма мышления не означает ничего большего, кроме сопряженности с человеком, его усилиями и бытием - того, что мы мыслим. Всякий предмет, явление или событие может быть помыслено в качестве культурного феномена. Для этого необходимо, прежде всего, открыть значимость мыслимого для человека и проследить связь того, что мыслится существующим, с человеческим присутствием в мире. Культура и есть предметно, жизненно и духовно развернутое присутствие человека в мире. Поэтому речь о культуре вообще нельзя вести вне раскрытия характера этого присутствия и без выяснения содержания тех конкретных форм, посредством которых человек есть в мире и вообще есть. О культуре мы узнаем не путем прямого исследования, но лишь изучая "иные вещи" - культурные феномены. То, к чему нас отсылает мир человека и его проблемы, что свидетельствуется собственным нашим поведением, в том числе в сфере мысли, и есть единственная достоверность культуры. Все прочее - весьма произвольно конструируемые образы, которым, возможно, не откажешь в последовательности соблюдения известных посылок, но которые создают лишь очередной фетиш, называя его именем культуры. Культура же в своей непосредственности - это то, что получается, когда мы пытаемся быть людьми. Она, следовательно, неотделима от человеческой попытки "быть", от утверждения человека в его "человечности" (если не сводить последнюю к оценочному суждению, а рассматривать в качестве эквивалента "природы человека"). Из этого вытекают и особенности культуры как специфической ориентации и установки философского мышления.

КУЛЬТУРА КАК ОРИЕНТАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ. Культура как мыслительная форма - это не столько категория, сколько указание на определенного рода задачу, которую должно разрешить мышление, обращенное на проблему бытия и самоопределения человека. Это особая ориентация философского мышления, обозначающая, что человек должен быть промыслен в качестве самоопределяющегося бытия - какой бы смысл в такое самоопределение ни вкладывался и каким бы образом сама возможность его ни обосновывалась. Все, что возникает в силовом поле попыток человека утвердить собственное самобытие, попадает в сферу культурного опыта. Есть ли человек нечто, самостоятельно сущее в мире, или же содержание его бытия является всецело производным от иных видов и форм сущего? - вот тот ключевой вопрос, который образует неявный нерв всякого культурного действия и выдвигает культуру в ряд собственно философских, метафизических тем. Именно то, что мы находим в качестве реальной основы самоопределения человека, делающего его особым, имеющим самостоятельный смысл сущим, и составляет содержание нашего понимания культуры - даже независимо от того, употребляем ли мы и даже знаем ли мы такое слово.

Из сказанного следует несколько выводов. Во-первых, недостаточность любой, самой емкой дефиниции культуры. Единственным реальным содержанием понятия вообще является не то, что мы вложили в него своим предписанием (дефиницией), а то, что с его помощью действительно открыто и понято в нашем конкретном мыслительном опыте. Поэтому культура в качестве особой формы мысли включает в себя весь тот смысл, который задействован в нашем понимании человека как особого бытия. Причем, подчеркну еще раз, независимо от того, чем обосновывается возможность самобытия человека: его связью с Богом, особым положением в природном мире, наличием только ему свойственных качеств (сознания, разума) или чем-либо иным.

Во-вторых, становится ясным, что тема и проблема культуры возникает только для сознания, которое открыто к осмыслению человека в качестве особого, самостоятельного сущего. В системе мышления, где человек предстает как нечто всецело выводимое из иных форм и процессов существования, где он во всех своих существенных характеристиках является производным от иной сущности, - в такой системе мышления тема культуры в ее действительном метафизическом смысле не имеет места. Отсюда двусмысленность и искусственность темы культуры в марксизме. То, что для марксистского сознания служило сущностным определением человека и выделяло его в качестве самостоятельного сущего, не редуцируемого к иным видам бытия - производственный процесс и его снятая форма: социальность - и составляло для этого сознания действительное содержание культуры. Труд, деятельность по "преобразованию вещества природы", производственная практика и были подлинной культурой в системе марксистского мышления. Поэтому появление в нем термина культура было избыточным, являлось не более чем "умножением сущностей" в Оккамском смысле. Не случайно самая теоретически развитая концепция культуры в советской философии, в которой марксистская установка выразилась наиболее последовательно, прямо отождествляет содержание культуры со "всеобщим трудом". В силу этого культура не могла не остаться квазипонятием, внешним заимствованием под влиянием философской моды. Либо превращалась в чисто позитивный термин для обозначения определенного круга социальных реалий ("духовная культура", "национальная культура" и т.п.). Либо - сохраняя свой метафизический смысл - становилась средством внутренней деструкции самого марксистского мировоззрения.

В-третьих, культура никогда не может превратиться в законченное понятие. Ибо человек в своем бытии никогда не оказывается полностью предоставлен самому себе. Его определенность как самобытия есть всегда некое усилие к самому себе, есть процесс обретения собственной аутентичности, который никогда не может быть снят в некотором абсолютном смысле. Сам характер бытия в мире постоянно ставит под вопрос самостоятельность и аутентичность человека. Никакое человеческое достижение, сколь бы значительным

оно ни было, не может радикальным и окончательным образом извлечь человека из этой ситуации бытия. Именно по этой причине культура является истинно метафизической темой и попадает в разряд "вечных проблем" - тех проблем, которые совечны человеческому существованию, ибо принадлежат самому его существу.

АНТРОПОМОРФНОСТЬ КУЛЬТУРЫ. В нашем рассуждении связь культуры и человека обнаружилась достаточно отчетливо. Собственно, наличие такой связи прослеживается в любом понимании культуры и потому составляет общий, самоочевидный момент философского осмысления культурной реальности. Культура неразрывно сопряжена с человеческим бытием, с сущностью человека, с его самоопределением и судьбой в мире. Явно или неявно подобная констатация присутствует практически во всякой мысли о культуре. Тем самым культура выражает свою человекообразность, свою суть как антропологического феномена. С этим вряд ли кто станет спорить. Однако принятие данной очевидности приводит нас к выводу, что понимание культуры в каждом конкретном случае решающим образом обусловлено нашим пониманием человека. Последнее же, будучи сопряжено с собственной судьбой мыслящего, никогда по этой причине не может быть простой констатацией. Ибо вопрос о человеке - это тот вопрос, под который подпадает и каждый из нас; это вопрос не только познания вне нас лежащего бытия, но ситуация самоосмысления. В силу этого понимание человека (неотделимое от понимания самого себя) по своей природе обладает известной неокончателностью. Следовательно, необходимая полнота осмысления феномена человека не может быть достигнута выработкой сколь угодно обстоятельного позитивного понятия о человеке. Открытость человеческого бытия и не окончательность (незавершенность, несвершенность) его судьбы должна быть сохранена и воспроизведена в качествах той мыслительной формы, посредством которой феномен человека "берется" философским мышлением. Такой формой, как уже сказано, не может служить позитивное понятие. Чтобы было выполнено требование строгости осмысления феномена человека, необходимо, чтобы понимание его заключало в себе не только позитивные определения, но и определенную надежду на исход человеческой участи. Присутствие модуса надежды составляет необходимый момент философски строгого осмысления феномена человека, а вслед за ним - и культурной реальности. Вне и без данного модуса искомое понимание не достигает необходимой адекватности смыслу и характеру той метафизической задачи, которую оно призвано разрешить.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ: СВЯЗЬ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО И ЛИЧНОСТНОГО ИЗМЕРЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ. Один из постоянно возникающих в философско-культурологических исследованиях вопросов - это вопрос о критерии культуры, о той содержательной мере культурности, которая позволяет отличить собственно культурные феномены от явлений иного рода (в том числе того, что подчас именуется "квази" - или "антикультурой", либо "ложными культурными ценностями"). Вопрос, иными словами, стоит в том, что действительно составляет феномен человека, а что в самом человеческом бытии враждебно человеческой сущности. При чем сложность и острота вопроса вызваны во многом тем, что это "враждебное" не является чем-то извне принесенным или навязанным человеку, а вызвано к жизни его собственными усилиями, стремлениями и деяниями.

Классический европейский рационализм нашел емкое разрешение указанного вопроса в понятии разума. Разум, способный открывать всеобщие и необходимые истины, и более того - способный находить пути следования им для человеческого существа, - стал самым естественным и законным судьей культуры, ее весомейшим и авторитетнейшим воплощением. Идея разума счастливо избавляла критерий культуры от обусловленности человечески частичным опытом бытия (т.е. субъективации), и в то же время соединяла смысл культуры с содержанием мирового бытия вообще. Благодаря последнему мера культурности не замыкалась в самом человеке, а получала обоснование в свете вообще бытия сущего. И как таковая, приобретя объективный и надындивидуальный смысл, становилась регулятивным началом конкретного существования и реальной истории. Иными словами, культурность, отождествленная с разумностью, становилась репрезентантом в человеческом мире и существе всеобщего и необходимого смысла бытия как такового.

Однако столь высокая и исключительная миссия разума, бесспорная для классического рационализма, была поставлена под вопрос как последующим развитием цивилизации, так и опытом самого философского мышления. Итогом этого движения стало осознание того обстоятельства, что критерия культуры нельзя найти вне ее самой, и что, следовательно, из содержания самой культурной реальности должна быть извлечена ее мера. Оказалось невозможным уйти от того, что критерий культуры всякий раз конкретно обусловлен и определен культурностью самого мыслящего и выделяющего этот критерий. Этим было зафиксирована неизбежность личностного измерения в философско-культурологическом исследовании.

ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ. Явно или неявно вопрос о критерии культуры сопряжен с вопросом о ее ценности. Является ли культура благом началом человеческого существования или же допускает и отрицательный, разрушающий, губительный смысл бытия человека в мире? Обычно теоретическое сознание стремится избежать такого рода вопроса или придать ему гораздо более нейтральную редакцию, в которой бы снималась необходимость оценки культуры. Стремление зафиксировать и определить культурную реальность в качестве всецело объективного феномена, анализируемого столь же объективными теоретическими средствами, совершенно естественно, закономерно и оправданно для теоретического сознания. Однако, как ни странно, именно данная позиция теоретического сознания и является

единственной, которая допускает в сознание вопрос о ценности культуры. Более того: создает интеллектуальную почву для осмысления и решения данного вопроса.

В самом деле, теоретическое сознание избегает не самой по себе оценки культуры. Коль скоро культура есть характеристика мира человека и в этом смысле является человеческим делом, как раз по требованиям теоретической последовательности нельзя отказать в правомерности вопросу о ценности культуры - коль скоро ценность понята в качестве соизмеренности сущего с человеком и, стало быть, ценностной определенностью не может не обладать любое человеческое дело. От чего же отказывается теоретический разум? На самом деле в проблеме культуры он стремится отказаться от того же, отказ от чего есть вообще норма его существования: от предвзятости. Так называемый "аксиологический подход" в ряде своих воплощений вызывает теоретическую осторожность не потому, что он ставит вопрос о ценности культуры, а лишь потому, что принимает определенный ответ (ценностную ориентацию) вне и до решения самого вопроса. Теоретическое сознание стремится к одному: чтобы решение вопроса о ценности культуры было теоретически строгим, т.е. основывалось бы на определенном понимании культуры и исходило бы из него, а не наоборот - выводило бы понимание из ценностного предпочтения. Ведь ясно, что изначальное предпочтение культуры как блага - или, наоборот, как зла, - ведет к созданию соответствующей теоретической конструкции, которая будет не более как развертыванием и демонстрацией исходной ценностной установки. Разумеется, что в этом случае познавательная и эвристическая ценность занятой позиции окажется весьма ограниченной. Если же вопрос о ценности культуры возникает в контексте уже определившегося теоретического понимания культурной реальности, то его правомерность едва ли может быть оспорена.

Более того, вопрос о том, заключает ли в себе культура благо или зло, является подлинно метафизическим, т.е. истинно философским вопросом. Это становится ясным, если учесть изначальную философско-мировоззренческую нагрузку категории культуры. Ведь в своем классическом значении она призвана обозначить конкретную определенность человеческой сущности, раскрыть ее содержание и обозначить коллизии предметного и исторического воплощения этой сущности. Поэтому вопрос о ценности культуры - это ключевой вопрос о человеке: о том, благом или злом оказывается человеческое бытие для мира, благо или зло приносит человек самому себе и, следовательно, благотворной или губительной и скорбной является участь человека?

Если принять, что культура есть то, что осуществляется человеком (родом или индивидом) в модусе устремленности к "человеческой сущности" (равно как и конкретные достижения этой устремленности), то важнейшим определением культуры окажется не добро или зло, а свобода. Или, другими словами, силами и формами культуры для человека оказывается открыта возможность добра и зла, а сама культурная реальность приобретает значение воплощенной человеческой свободы. Из этого следует важнейший вывод: культура непредопределена (или иначе: культура есть мера не предопределенности человека в своем бытии). А это в свою очередь значит, что ценность культурного действия - всегда открытый вопрос. Культура не предопределена и не гарантирована в своей "благодати". Она то и дело производит страдания и зло. И если соглашаться с понятием "антикультуры", то нельзя не видеть, что так называемая "антикультура" порождается самим культурным процессом и неотделима от него.

Культура, следовательно, оказывается весьма рискованным и таящим опасность делом, требующим немалой подготовленности и глубокой ответственности, но и при этих условиях не перестающим сохранять в себе известную непредопределенность, негарантированность и риск. Если культурный процесс, образно говоря, позволяет преумножить достоинство человека, то он же способен оказаться источником человеческого краха и несостоятельности. Примеры последнего более чем многочисленны. Они касаются не только не оправдавшихся человеческих ожиданий, но и выражены в многочисленных и разрушительных деструкциях самих основ бытия и условий самосохранения человека, которыми столь богат наш век. Из сказанного следует, что решение проблемы ценности культуры с необходимостью предполагает не только позитивное понимание культуры, но и требует присутствия в философском осмыслении культуры модусов предостережения и надежды. Культурная реальность воплощает спектр существующих для человека возможностей, открытых благодаря его исторически выработанному способу бытия. Она образует пространство человеческих свершений, приобретая значение универсального смыслового начала, которому соразмерны все усилия и акты человеческого самоопределения. Будучи средоточием того, что человеком в этом мире осуществлено, культура в то же время есть реальное определение того, что для человека возможно.

ОБРАЗ СЕБЯ. Изложенное понимание культуры требует учета одной важной особенности человеческого бытия. Суть ее заключается в том, что человек живет не только среди вещей, лиц, суммы преданных ему условий существования. В не меньшей мере он живет в образе самого себя. Это не значит, что личность (или все человечество) пленена собственным произвольным представлением о себе (хотя и такое не так уж редко имеет место). Упомянутый "образ себя" - отнюдь не чисто психологический продукт, хотя, несомненно, имеет определенные психологические корреляты и, так сказать, "точки опоры" в человеческой психике. Речь идет о реальности более общего и объективного свойства, чем человеческая психология. Мы не только существуем, но и постоянно, непрерывно, каждым действием, желанием и мыслью опознаем себя в качестве людей. То есть, во всяком акте жизнедеятельности, помимо его конкретной направленности, цели, задействованных средств, обуславливающих обстоятельств, присутствует и осуществляется акт

самоидентификации человека - устанавливается его аутентичность с "родом людей", "человеческой сущностью", или, проще говоря, "человечностью". Этот присутствующий в каждом человеческом действии и в каждый миг жизни момент "отнесения себя к человечности" (человеческому как таковому) составляет собственно культурное измерение бытия. В опосредовании всякого элемента существования "человеческим" как неким неизменно (хоть и неявно) присутствующим началом и состоит универсальное действие культуры. В этом же заключается неизбывная "предвзятость" человеческой жизни или, другими словами, то, что было названо выше "жизнью в образе самого себя". Модус существования в образе себя выражает, следовательно, окультуренность человеческого бытия. Данный образ имеет поэтому не чисто психологическую природу, а представляет собой важнейшую форму срабатывания культуры и сам есть наиболее отчетливое свидетельство культурной заданности всякого акта жизнедеятельности.

Сказанное, разумеется, не значит, что человек непременно следует каким-то образцам, что над ним неотступно довлеют нормы и ценности культуры, что он в своем бытии лишь проигрывает некий трансцендентальный образ "человека вообще". Эти моменты достаточно характерны для многих ситуаций человеческого бытия, однако суть выделенной коллизии в ином. Человеку всегда сопresentствует человеческое (человеческая сущность, род людей, человечность). И каждый индивид, равно как и любая общность людей, осуществляет себя в горизонте этой "человеческой природы". Причем - и это крайне важно подчеркнуть - даже не вырабатывая о ней никакого отчетливого представления, отнюдь не ставя себе целью следовать какому-либо образцу или идеалу - даже вообще не подозревая, что происходит. Этот горизонт присутствует и в тех случаях, когда человек попирает все нормы человеческого существования, когда он бросает вызов общепринятым воззрениям, когда он отрицает над собой власть каких-либо ценностей. Ибо все это никогда не делается безмятежно. В каждом отрицающем, преступном, нигилистическом действии неизменно присутствует напряжение противостояния. Даже самые крайние проявления бесчеловечности обычно имеют за собой либо особую форму обоснования в "горизонте человеческого", либо движимы силой отрицания, что опять-таки включает их в пределы этого горизонта. Здесь, однако, необходима оговорка. Все это будет достаточно верным, если учесть, что сказанное относится к сфере действия человеческой воли, т.е. предполагает вменяемость действующего лица. Только при условии полагания себя в собственном действии изложенное справедливо. Из сферы рассмотрения мы, таким образом, исключили ситуации чисто рефлекторных реакций, в которых срабатывает сугубо органическое начало - то есть те, в которых обнаруживается не человеческая воля (независимо от того, является ли она доброй или злой), а чисто природная сила.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА. "Образ себя" в указанном смысле, или "горизонт человечности", составляет неотъемлемый элемент человеческого самоопределения. В свете этого неявного и подспудного образа, носителем и ретранслятором которого является культура, мир и все сущее в нем претерпевает глубокую метаморфозу. Бытие, мир, собственная участь открываются лишь в тех содержаниях и таких формах, какие допускает этот установившийся культурный горизонт. Мы видим лишь то, что допущено видеть нашей собственной человеческой природой, и участвуем только в том, к чему опять-таки призваны собственной человечностью. Не удивительно поэтому, что чрезвычайно многое, реально присутствующее в нашем бытии, остается для нас незримым и неуловимым. Если наша человеческая сущность делает нас во многих отношениях "зрячими" и проницательными, открывая возможности, недоступные для других существ, то она же немало способна от нас скрыть и отнять. История человеческой культуры столько же история расширения границ и глубины человеческого "видения" и "ведания", сколько постоянный и поучительный урок человеческой слепоты. Следует признать, что если бы развитие человека было всецело подвластно его воле, то человеческая история давно пришла бы к своему концу, а человечество застыло в некотором совершенном для себя состоянии, несостоятельность которого рано или поздно обнаружилась бы самим "ходом вещей". Но, к счастью, человек не только реализует свою волю, но и обладает способностью полагаться на бытие.

Обычно человеческую свободу отождествляют со свободой воли и возникающей благодаря свободной воле возможностью выбора добра и зла. Однако не менее существенное измерение свободы состоит в том, что человек способен отказаться от своей воли - не ради подчинения чужому волеию, но ради обретения того откровения (истины сущего), которое может быть достигнуто лишь доверием к миру, сущему, бытию. Благодаря этому фундаментальному доверию мы приобретаем то, что не можем получить из наших собственных направленных усилий, путем сколь угодно тщательно выверенных действий. Человек не только приобретает мир путем собственных усилий. Не менее достоверно то, что он получает дар. И само дарованное образует исходную основу всех человеческих усилий, творя саму возможность последних.

ДАРОВАННОСТЬ БЫТИЯ. Если вдуматься, то такого рода дарованиями является очень многое в человеческом бытии. Их след мы найдем едва ли не в каждом элементе нашего существования. Это и сама человеческая телесность, которая в своей изначальной данности и совокупности своих основных свойств есть дар природы. Это и собственно природа - та среда обитания, земля, почва, климат, полезные ископаемые, благодаря которым мы только и можем жить. Подобного рода "сверхождаемые приобретения", не выводимые из человеческой деятельности и воли, названные мной "дарованным", мы обнаруживаем и в действии мышления, в творчестве, даже в любом процессе достижения цели. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на феномен языка, который хранит, создает и доносит смыслы, рационально не определимые. Сложная связь смыслов, словарного многообразия, звучаний, опыта

говорений, культурных приложений языка (прежде всего - литературы в разных ее видах) и других особенностей "языковой реальности" делает язык феноменом, несомненно принадлежащим человеческому бытию и в известном смысле являющимся его "продуктом", но в то же время феноменом такого рода, который не постижим и не осуществим исключительно из человеческой воли и может быть принят лишь как дар истории.

Сходным образом в процессе мышления мы обнаруживаем срабатывание сил или свойств, не выводимых из сознательно полагаемых норм и способов правильного мышления. Обычно эту сферу жизни сознания обозначают понятием "интуитивного", мало задумываясь над тем, сколь глубокую переоценку привычного воззрения на человеческое мышление и его природу влечет за собой даже сам факт признания такого понятия. Еще больше возможностей для демонстрации влияния "сверхожидаемого" (дарованного) мы находим в сфере творчества. Это, кстати сказать, единственная сфера, где самый строгий логик признает власть совершенно иных, нерациональных (непредвосхитимых) импульсов и сил. Сама природа творческого дела такова, что она требует подобного признания, без которого даже помыслить творчество как идею едва ли возможно. На этот момент я хотел бы обратить особое внимание, так как творчество - отнюдь не только "высокий удел избранных". От имени творчества неотделима вообще продуктивная способность человека. А это значит, что и все результаты этой способности, которая лежит в основе всех вообще человеческих достижений, немислимы в виде непосредственного следствия человеческих усилий и воли - и потому требуют их понимания также в качестве дарованного в означенном выше смысле.

Наконец, любая ситуация деятельности, тем более деятельности сколь-нибудь протяженной во времени, требующей различных усилий, вовлекающей в себя разнообразные силы, объекты, обстоятельства, лица и т.п., показывает произвольность результата деятельности. Независимо от того, успехом или неудачей завершается деятельность, сам процесс достижения более или менее сложной (требующей опосредующих действий) цели неосуществим всецело на основе конкретной человеческой воли - сколь бы сильна и развита последняя ни была. В любой деятельности мы найдем то, что обычно называют "случайностью", обозначая этим словом столь разнообразные и несхожие вещи, что поневоле приходишь к выводу: словом "случайность" хотят не столько нечто обозначить, сколько скрыть; не понять нечто важное, а избавиться от тревожащей и смущающей проблемы, требующей своего осмысления.

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА. Здесь мы наблюдаем чрезвычайно поучительную ситуацию, когда слово существует не для того, чтобы нечто выразить и обозначить, а чтобы заслонить и скрыть проблему. Это не столь уж редкая ситуация, как можно было бы подумать. Немало слов, среди них мы найдем подчас и некоторые философские понятия, существуют - во всяком случае в конкретной системе мышления - не для того, чтобы обозначить смысл, направить мысль, углубить наше понимание, а как раз с обратной целью: чтобы успокоить сознание относительно того, что им не понято; чтобы исключить из рассмотрения проблемы, само признание которых и тем более их анализ способны поколебать сложившееся мировоззрение. Это вообще одна из ключевых функций языка: не только открывать человеку мир, создавая возможности для его познания, но и хранить человеческое сознание от потрясений. Данная функция языка кажется ложной или фальшивой только тому сознанию, которое несет в себе воззрение безмерного и оттого чрезвычайно нелепого гносеологического оптимизма. Такое сознание самоуверенно полагает, будто мир распростерт перед ним как на ладони, и не ведает истинной меры своего невежества. Оно наивно принимает за истину те спасительные иллюзии, которые внушает ему гораздо более мудрый язык, не замечая при этом, что многие его истины и очевидности - не более чем спасительные предрассудки. И слава Богу, что не замечает, скажем мы. Ибо чрезвычайно трудно выдержать правду о ничтожестве человеческого знания. Поэтому уверенность в достаточно целостной познанности мира и ощущение его изведенности является благодатной и спасительной иллюзией, которую несет в себе язык людей.

Теперь мы можем достовернее распознать истинную роль слов "первозданное" ("исходная данность", "природные условия"), "интуиция", "случайность" и им подобных в расхожей версии рационалистического мировоззрения. В системе этого мировоззрения они являются квази-понятиями. Их роль заключается не в понимании, а в придании определенной системе мировосприятия тех целостности, законченности и универсальности, в которых нуждается любое развитое мировоззрение. Они являются спасительными словами, а не действительными понятиями по той простой причине, что касаются проблем, которые данная система мировоззрения не только не может разрешить, но даже избегает и принять. Действительная метафизика состоит сегодня в том, чтобы не уклониться от этих проблем, аннигилируемых расхожей рационалистической установкой. В плане осмысления человеческого бытия это означает, прежде всего, выход за пределы той "физики" (реальности), в которую нас заключает культурный горизонт, или - другими словами - "образ самих себя" в вышеописанном смысле.